

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ВЫП. 62

ЗАМЕТКИ О РУССКО-ШВЕДСКИХ СЛОВАРЯХ

С. С. Маслова-Лашанская

Предварительные замечания

Укрепление экономических и культурных связей между Советским Союзом и Швецией и все возрастающая практическая потребность в изучении русского языка в Швеции и шведского языка в СССР чрезвычайно повышают роль словарей — важнейших орудий в деле овладения языком — и привлекают к шведско-русским и русско-шведским словарям внимание все более широкого круга читателей. В связи с этим полезно и даже необходимо обсуждение существующих в настоящее время и используемых в учебной и переводческой практике словарей, обсуждение, которое могло бы способствовать появлению новых, усовершенствованных словарей. Данная статья и продиктована желанием принять участие в таком обсуждении; цель ее — изложить ряд наблюдений над некоторыми русско-шведскими словарями и на этой основе сформулировать пожелания, адресованные авторам будущих словарей подобного типа.

Дело создания русско-шведских словарей имеет давнюю традицию, и существует целый ряд таких словарей.¹ Однако словари, представляющие интерес для истории лексикографии, но мало используемые в настоящее время, в данной статье рассматриваться не будут. Таким образом, предметом рассмотрения будут следующие три словаря:

1) Гуннар Гуннарссон и Александр Рубец. Русско-шведский словарь. Rysk-svenskt lexikon. Uppsala, 1948 (сокращенное обозначение — Гн);

¹ Г. П. Гейтлин. Ручный российско-шведский словарь, ч. 1—2. Гельсингфорс, 1833—1834; Русско-шведский и финский ручной словарь. Тавастгус, 1851; Ю. Корнет. Новый карманный русско-шведский и шведско-русский словарь. Лейпциг, 1874; Fr. Legche Rysk-svensk ordbok. Helsingfors, 1896; П. Киянен и И. Люндквист. Русско-шведский словарь. Гельсингфорс, 1915; В. Циллиакус. Русско-шведский словарь. Гельсингфорс, 1916.

2) Rysk-svensk ordbok redigerad av C. G. Regnéll. Stockholm, 1956 (сокращенное обозначение — Рн);

3) А. П. Валениус. Краткий русско-шведский словарь. М., 1948 (сокращенное обозначение — Вл).

В дальнейшем, в процессе анализа материала названных словарей, будут также привлечены сведения из ряда других — русских и шведских — словарей.²

Несмотря на одинаковые названия — «Русско-шведский словарь», — словари, изданные в Швеции и изданные в СССР, являются, конечно, разнотипными: словари Гн и Рн ставят перед собой задачу помочь шведскому читателю в понимании русского текста или русской речи; словарь Вл должен помогать при переводе с русского языка людям, хорошо им владеющим, но недостаточно знакомым со шведским языком.³ В предисловиях к названным словарям задачи их ясно сформулированы. Неверно было бы подойти с одной меркой к словарям разных типов — к словарю, являющемуся пособием при восприятии иностранной речи или текста (рецептивно-ориентированному), и к словарю, помогающему изложить определенные мысли на иностранном языке (репродуктивно-ориентированному); поэтому критерии при характеристике однородных явлений в словарях этих двух типов в ряде случаев будут разными.

Данная статья не имеет целью рецензирование или сравнительную оценку вышеназванных словарей. Все три словаря, каждый по своему, являются нужными и полезными пособиями, все они сыграли и продолжают играть важную роль в процессе ознакомления русского и шведского народов с культурными ценностями другой страны и в деле изучения русского и шведского языков. Словарь Гн, наибольший по объему (35 печатных листов), отличается обширным словником (количество включенных слов, к сожалению, не указано, по приблизительным под-

² Словари, особенно часто используемые в статье, обозначены следующими сокращениями (цифра после сокращения обозначает том):

БА (Большой Академический словарь) — Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950—.

Д — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. Изд. 2-е. СПб., 1880—1882.

МА (Малый Академический словарь) — Словарь русского языка в четырех томах. М., Изд. АН СССР, 1957—1961.

О — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 1953.

MI — Illustrerad svensk ordbok. Redaktör docent Bertil Molde. Stockholm, 1955.

SAOL — Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. Nionde uppl. Stockholm, 1951.

Öst — O. Östergren. Nusvensk ordbok. Stockholm, 1919—.

³ Теоретическое положение о необходимости существования разных русско-иноязычных словарей в зависимости от того, на носителей какого языка они ориентированы, выдвинуто и обосновано Л. В. Щербой (см. его предисловие к русско-французскому словарю 1936 г.). О значении выдвинутого Л. В. Щербой принципа см., в частности: Люсьен Теньер. О русско-французском словаре Л. В. Щербы. «Вопросы языкознания», 1958, 6, 41—43.

счетом их более 50 тыс.), а также богатым подбором шведских эквивалентов, в очень большом количестве случаев хорошо отражающих многообразные значения и важнейшие употребления русских слов. Правда, в словаре очень скупо даны указания, которые могли бы помочь при выборе необходимых в каждом конкретном случае шведских эквивалентов из числа прочих, и это должно затруднять перевод, особенно для начинающих изучать русский язык. Однако в рецептивно-ориентированном словаре это отсутствие указаний является преградой, преодолимой для вдумчивого и более опытного читателя, и может быть оправдано стремлением к сжатости и максимальной насыщенности словаря лексическим материалом (хотя оно подчас вступает в противоречие с требованием наглядности и легкости ориентации в материале). Другой словарь, также рассчитанный на восприятие русского текста (Рн), значительно меньше, чем Гн, по размерам и объему лексического материала (по приблизительным подсчетам здесь около 25—27 тыс. слов). Ценной особенностью словаря является наличие во многих словарных статьях пояснений, заключенных в особые скобки [] и помогающих понять, в каких случаях возможен тот или иной шведский эквивалент, или дающих (к сожалению, недостаточно последовательно) сведения о предложном управлении в русском и шведском языках при расхождениях между обоими языками. Так, например, в качестве эквивалентов слова *давать* названы *giva, låta, avlägga [ed]*, т. е. указано, что эквивалент *avlägga* возможен при наличии дополнения *клятва (ed)*, или в других случаях указано: *ласковый [к dat. mot]*, *лакомый lysten efter [до gen.]*.

Репродуктивно-ориентированный русско-шведский словарь (Вл) невелик (23 тыс. слов), но все же включает значительное количество слов, широко употребительных в общественно-политической печати и повседневном общении. Практическое использование словаря облегчено наглядностью структуры словарных статей и системой пояснительных замечаний. Ср. для примера одну словарную статью в словарях Вл и Гн:

<p>Вл. ПЕРЕВОД 1. (<i>куда -л.</i>) överföring -en, förflyttning -en. 2. (<i>на другой язык</i>) översättning -en, -ar; п. на шведский язык översättning till svenska; 3. (<i>пересылка</i>) anvisning -en, -ar и т. д.</p>	<p>Гн ПЕРЕВОД över förande, -föring, -flyttning, transport; översättning, version; utrotande; hand⁴ överlåt ande, -else, anvisning, trassering, remiss и т. д.</p>
--	--

Не вдаваясь в подробную характеристику вышеназванных словарей, посмотрим, как в них решены некоторые из основных лексикографических проблем.

⁴ Помета, обозначающая, что здесь речь идет о коммерческом термине.

1. Отбор лексики для словника

Общеизвестно, что отбор лексики при составлении словника определяется задачей и объемом словаря. В то же время составители двуязычных словарей, лавируя между стремлением дать побольше слов при определенном листаже и необходимостью в тех же рамках показать лексические соответствия двух языков, неизбежно допускают в ряде случаев спорные или ошибочные решения. Остановимся на такого рода решениях в словарях, о которых идет речь.

Первый принцип отбора лексики для выборочных общих (т. е. не специальных) словарей, не стремящихся к максимально полному охвату лексики, а строящихся на определенном отборе слов,⁵ принцип употребительности. Составители рассматриваемых словарей также называют своей задачей включение особо употребительных слов — «широко употребительных слов» (*gængse ord*),⁶ «общеупотребительных слов».⁷ Как же обстоит дело с применением принципа употребительности? В словаре Рн можно найти ряд слов, которые в настоящее время воспринимаются языковым сознанием носителей русского литературного языка как чуждые современной естественной речи и в то же время мало употребительные в классической литературе; они включены в многотомный толковый словарь русского языка с пометами, характеризующими их как устаревшие или областные: *велелепный, взрачный* (БА, 2), *гуммиластик, гунявый, давалец* (БА, 3). Есть в словаре Рн и такие слова, которые неизвестны большинству носителей современного литературного языка и отсутствуют в словаре БА, хотя их и можно найти в словаре Грота (*вязель, габара, губчик*)⁸ или в словаре Даля, где собрано огромное количество слов из народных говоров (*галанить, веко 'лукошко'*. — Д, 1). Исходя из принципа употребительности, нужно признать такого рода слова лишними в словаре типа Рн (около 25 тыс. слов!). Вряд ли есть необходимость в них и в словаре такого объема, как Гн, и действительно, из всех вышперечисленных слов мы находим здесь только *гунявый* и *давалец*.

Руководствуясь критерием употребительности, необходимо также признать лишними, например, многие из сокращений, включенных в словарь Гн, обозначающие давно исчезнувшие и давно забытые учреждения эпохи первых лет после Октябрьской революции: *БЕЛКТА* = Белорусское коммерческое телеграфное агентство, *БЕЛКУБУ* = Белорусская комиссия по улучшению

⁵ В отличие от типа словаря *thesaurus* («сокровищница»), стремящегося к включению всех слов какого-либо языка (см.: Л. В. Щербач. Опыт общей теории лексикографии. Избранные работы по языкознанию. Изд. ЛГУ, 1958, 69 и сл.).

⁶ См. словарь Гн, предисловие.

⁷ См. словарь Вл, предисловие.

⁸ Словарь русского языка под ред. Я. К. Грота (2. СПб., 1892).

быта ученых, БУП = Бюро Украинской печати, ВАО = Всесоюзное общество авиационной промышленности, ВЧКЛБ = Всесоюзная чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности и др.

С другой стороны, имеются слова, широкая употребительность которых не вызывает сомнений, и отсутствие их в словаре (во всяком случае в словаре, насчитывающем более 20 тыс. слов) должно ощущаться как пробел. Недостающими словами можно, думается, считать, например, в словаре Гн — *бюро, неповторимый, дружественный, высококачественный*, в словаре Рн — *радиовещание, дружественный, местами* (нареч.), *избалованный*, в словаре Вл — *дружно, однотожник, официантка, злой*.

Пробелом представляется также отсутствие в словарях Рн и Вл ряда строевых сложных лексем, принадлежащих к числу весьма употребительных, а именно — отсутствие некоторых составных союзов: в словаре Рн нет союзов *прежде чем* и *с тех пор как*, в словаре Вл — *с тех пор как, между тем как, как... так и*.

Принцип отбора слов по употребительности очень важен, однако недостаточен. Прежде всего далеко не всегда ясно, достаточно ли употребительно то или иное слово, для того чтобы быть включенным в выборочный словарь определенного объема. Ведь для точного установления употребительности многих тысяч слов языка вообще — во всех контекстах и в речи всех общественных слоев — потребовалась бы колоссальная статистическая работа, пока невыполнимая.⁹ Конечно, вопрос об употребительности и необходимости слова в словаре нередко решается «на глазок» и субъективно. Какое слово чаще употребляется в русском языке: *радиола* или *рант*, *авиалиния* или *аммиак*, *крепдешин* или *дран*? А между тем первого слова каждой пары нет ни в одном из рассматриваемых словарей, а второе слово есть во всех трех.

Кроме того, при отборе слов для двуязычного словаря важна ведь не абстрактная употребительность слова самого по себе, а весомость, значимость его в каких-то контекстах, подлежащих переводу с помощью данного словаря, т. е. необходима целенаправленность отбора, учет специфической задачи словаря. Если составителями словаря Гн в соответствии с их целями «особое внимание было уделено военным, техническим и коммерческим терминам»,¹⁰ естественно включение в словарь таких слов, как

⁹ Насколько сложна проблема научно обоснованного установления употребительности слов показывают хотя бы трудности, возникающие при попытках создания даже небольшого частотного словаря русского языка. См. рецензию Л. А. Новак и Р. Г. Пиотровского («Вопросы языкознания», 1958, 3) на словарь Н. Н. Josselson «The Russian Word Count and Frequency Analysis of Grammatical Categories of Standard Litterary Russian» (1953). В этот словарь, построенный на расчетах, проведенных с помощью счетной машины, внесено 5230 наиболее «ходовых слов русского литературного языка», и в число их попали, как указывают рецензенты, слова *сей, ежели, ихний* (всего около 200 подобных слов) и не попали слова *величина, включать, всемирный, сантиметр* и др.

¹⁰ См. предисловие к словарю.

вашгерд, гидрат, лактоза, клемма, фидер, цапфа и другие, хотя они и не являются общеупотребительными и как специальные не включены в однотомный толковый словарь русского языка (О). И с точки зрения этой же целенаправленности в данном словаре окажутся недостающими такие, например, слова, как *бульдозер, бетономешалка, синхронизатор, дымоулавливатель, авиаграсса, разность* (математический термин).

Принцип целенаправленности требует последовательности в отборе слов, т. е. включения (или, наоборот, исключения) равно существенных лексических элементов, если они обозначают явления одной и той же сферы. Так, непоследовательно, нелогично включение в словарь Рн таких названий растений, как *анемон, лебеда, ежевика, лакрица*, если в нем нет, например, названий *иван-да-марья, ирис, голубика, мальва*. Ведь с точки зрения употребительности, т. е. роли слова в языковом общении, нет оснований отдать предпочтение первой группе. Примеры непоследовательности можно привести и из словаря Вл. Почему здесь есть слово *иеромонах*, если нет слов *инок* и *игуменья*? Разве следует считать, что *иеромонах* более употребительное слово, чем *инок*? Или почему в словаре есть *кислота*, но нет *щелочи*, есть *запеканка*, хотя нет *окрошки*, назван *желудочек* (часть сердца), но отсутствует *предсердие*? А в словаре Рн, наоборот, есть *предсердие*, но нет *желудочка*.

В словаре Гн собрано множество сокращенных слов, но нет таких, например, сокращений, как *МИД, ЛГУ* (хотя есть *МГУ*), *роно, техред*, что также является проявлением непоследовательности в отборе лексики.

Целенаправленность при отборе лексики требует, чтобы учитывалось, является ли словарь рецептивно-ориентированным или репродуктивно-ориентированным. Словарь с установкой на восприятие иностранной речи при небольшом объеме должен включить большее количество слов, чем словарь, ориентированный на воспроизведение мысли на иностранном языке. С одной стороны, в рецептивно-ориентированном словаре нужны слова, которые могут встретиться в переводимой русской художественной литературе, в то время как небольшой репродуктивно-ориентированный словарь не может рассматриваться как пособие при переводе художественной литературы, и в нем могут отсутствовать слова с яркой стилевой окраской. В случае необходимости перевести такое слово человек, хорошо владеющий русским языком, сможет заменить его более или менее близким нейтральным синонимом и разыскать этот синоним в словаре. Например, *очи* легко перевести шведским эквивалентом слова *глаза*, а *уйма* — эквивалентом слова *множество* или *масса*. Следовательно, в кратком репродуктивно-ориентированном словаре вполне приемлема установка на лексику, нейтральную в плане стилового употребления.

С другой стороны, репродуктивно-ориентированный словарь обязательно должен содержать бóльшую информацию об условиях использования переводящих эквивалентов. Шведский читатель без труда поймет словосочетание *звуки веселой песни*, найдя в словаре для слова *звук* эквиваленты *ljud, klang, ton* (Гн), но для правильного перевода этого же словосочетания на шведский язык недостаточно простого перечисления эквивалентов — словарь должен подсказать, какой из эквивалентов необходим в данном случае.

В силу вышесказанного в репродуктивно-ориентированном словаре острее стоит вопрос о профиле и характере текстов, подлежащих переводу с помощью словаря. С этой точки зрения в сравнительно небольшом словаре Вл окажется целый ряд «лишних» слов. Так, не было необходимости помещать в словаре просторечные слова *латка* (достаточно его синонима *заплата*), *угробить* (достаточно — *загубить*), устаревшие *фанфарон* (достаточно — *хвастун*) и *фура* (достаточно — *повозка*).¹¹ Чрезмерно велика в словаре также группа бранных слов: *сволочь, хам, олух, мазурик* и другие (достаточно — *негодяй, дурак*). Отметим попутно, что называемые словарем шведские эквиваленты вышеприведенных слов все равно не передают специфического характера русских слов и сводят их к нейтральным синонимам: *латка* переведено так же, как *заплата* — *lapp*, *угробить* — *förglöga, guinea* (аналогично слову *погубить* — *fördärva, förstöra, guinea* и *загубить* — *förstöra, ödelägga*), *фура* — *lastvagn* (аналогично слову *повозка* — *fordon, åkdon, lastvagn*). Так как словарь такого объема и общего направления, как словарь Вл, не может служить пособием при переводе на шведский язык специальных научных и технических текстов (необходимая для такого рода работы лексика представлена слишком слабо), то вряд ли было целесообразным помещать в нем отдельные узкоспециальные термины, например: *флюктуация, цапфа, фальц, эпизоотия, шурфование*.

Неоправданным представляется и включение в краткий словарь ряда слов «узкого употребления»,¹² отличающихся узкобытовым применением: *корица, жбан, качалка, капот* (вид женской одежды, шв. *motgonrock*).¹³

С другой стороны, в словаре Вл с точки зрения целенаправленности недостает таких, например, слов, как *внутриполитический, воссоединение, научно-популярный, передовик, подзаголовок, правдиво*.

¹¹ Стилистая характеристика этих слов дана здесь в соответствии с пометами в словаре О).

¹² См.: Н. И. Фельдман. О специфике небольших двуязычных словарей. «Вопросы языкознания», 1952, 2, 67.

¹³ В то время, как слово *капот* 'откидная крышка над двигателем автомобиля' (шв. *motorhuva*) в словаре отсутствует, хотя оно скорее может встретиться в общественно значимых контекстах.

Кроме принципов отбора лексики по употребительности и целенаправленности, важную роль должен играть принцип предупреждения ошибок, могущих возникнуть при пользовании словарем. Такого рода ошибки возможны прежде всего при переводе различного рода фразеологизмов, компоненты которых в отдельности есть в словаре, в то время как фразеологизм в целом отсутствует, хотя его значение нельзя вывести из значений составляющих его слов. Примерами такого рода фразеологизмов могут служить так называемые составные термины — сложные лексемы, выступающие в функции названий. Составным терминам в рассматриваемых словарях «не повезло». Так, ни в одном из них нет составного термина *белый гриб*, являющегося классическим примером фразеологизмов данного рода (хотя даже в самом небольшом из вышеназванных словарей — Вл — есть и *груздь*, и *мухомор*, и *поганка*, и *сморчок*). А ведь название *белый гриб* может быть легко понято не как обозначение определенного вида (шв. *karljohanssvamp* или *stensopp*), а как характеристика по цвету различных грибов. Отсутствует в словарях и *телеграфное агентство*, хотя соответствующим шведским эквивалентом будет не комбинация слов *телеграф* (*telegraf*) + *агентство* (*agentur*), которые читатель может найти в словаре, а *telegrambyrå*. Даже в небольшом репродуктивно-ориентированном словаре Вл можно считать недостающими такие, в частности, составные термины, как *сторонник мира* (*fredsvän*), *член-корреспондент* (*korresponderande ledamot*), *экзамен на аттестат зрелости* (*studentexamen*), *белые ночи* (*ljusa nätter*), *белые стихи* (*orimmad vers*), *немая карта* (*blindkarta*) и ряд других.

В словаре Гн также можно обнаружить отсутствие многих составных терминов (по профилю словаря в нем следует ожидать ряд специальных терминов): *избирательный бюллетень* (*göstsedel, valsedel*), *производственная мощность* (*produktionskapacitet*), *больничный лист* (*sjukbetyg*), *каменная соль* (*bergsalt*), *железный блеск* (*blodstensmalm*),¹⁴ *сигнальный экземпляр* (полиграфический термин — *provband*), *глубокая печать* (полиграфический термин — *lågtryck*), *крупный план* (кинотермин — *pärbild*), *горное солнце* (*kvartslampa*), *нёбная занавеска* (*gomsegel*), *волчья пасть* (анатомический термин — *ulvagap*, в отличие от свободного сочетания *волчья пасть* = *пасть волка* — *vargens gap*), *штрафной удар* (футбольный термин — *frispark*) и т. д.

Немало составных терминов недостает и в словаре Рн, например, *белые ночи*, *больничный лист*, *немая карта*, *мелкая тарелка* (*flat tallrik*), *член-корреспондент* и др.

¹⁴ Полезно было бы и в словарной статье *блеск* (где даются шв. эквиваленты *glans, sken, skimmer, fägring, prakt*) указать, что это слово является элементом составных названий ряда минералов (*железный б.*, *серебряный б.*, *свинцовый б.*, *медный б.*).

Отсутствие в словаре составных терминов, не сводимых к сумме их компонентов, опаснее отсутствия какого-либо слова, пусть даже более употребительного: отсутствующее слово по крайней мере никого не введет в заблуждение, а для составного термина читатель может попытаться подобрать шведские эквиваленты, исходя из его компонентов, что приведет к ошибке. В то же время, если шведский эквивалент составного термина можно безошибочно найти с помощью сведений, которые дает словарь, такой составной термин может быть без ущерба исключен. Так, например, если в словаре Вл *клеевой* переведено *lim-*, а *краска*—*färg*, то введение в словарь составного термина *клеевая краска* (*limfärg*) не вызывается необходимостью.

Недостаточное внимание к предотвращению ошибок проявляется также, в частности, при отборе другого типа устойчивых словосочетаний. Так, в словаре Гн есть фразеологизмы *во всяком случае* и *смотреть сквозь пальцы*, которым в шведском языке чрезвычайно точно соответствуют эквиваленты *i varje fall* и *se genom fingarna*, но отсутствует ряд фразеологизмов, значение и структура которых не могут быть поняты из суммы шведских переводов тех слов, из которых состоит фразеологизм; например: *и был таков* (*och försvann*), *что в лоб, что по лбу* (*det är hipp som hurr*), *ни кола ни двора* (*varken hus eller hem*), *зелен виноград* (*de är suga, sa gäven om gönnbägen*) и т. д. Аналогичным образом надо признать пробелом в словаре Рн отсутствие в нем ряда важных предложных оборотов, значение которых не может быть понято на основе эквивалентов, с помощью которых переведены компоненты оборота; например: *от имени* (*å vägnar*, никак не связанное с *namn*—эквивалентом существительного *имя*), *по существу* (*egentligen, i grund och botten*; *существо* переведено в словаре: *varelse; väsen, det väsentliga*), *по порядку* (*i tur och ordning*, эквиваленты слова *порядок* сами по себе не дают этого значения).

II. Подбор эквивалентов

Основными моментами при подборе эквивалентов можно считать: 1) анализ значений переводимого слова, а также стилистическую и экспрессивно-оценочную характеристику его, служащие отправной точкой и базой подбора эквивалентов; 2) отбор значений, подлежащих переводу, 3) подыскание адекватных или максимально близких во всех отношениях иноязычных эквивалентов, которое также базируется на анализе значений и стилистической характеристике переводящих слов. Посмотрим, как обстоит дело с этими моментами в рассматриваемых словарях.

1. Анализ значений русских слов, послуживший базой для подыскания эквивалентов в рассматриваемых словарях, находит отражение в той мере, в какой разным значениям одного и того же слова соответствуют разные шведские эквивален-

ты. При этом в словаре Вл эквиваленты часто распределены по обозначаемым цифрами группам в соответствии с значениями русского слова и сопровождаются пояснениями. Например: ЛИЦО 1. ansikte, она́ хороша́ ~ óм hon har ett vackert ansikte; 2. (человек) person и т. д. В словарях Гн и Рн эквиваленты, соответствующие разным значениям русского слова, разделяются только точкой с запятой (см., например, ту же статью в словаре Гн: ЛИЦ|О ansikte, anletsdrag; fram-, gät|sida; person, individ; gram. person и т. д.; в словаре Рн: ЛИЦО ansikte; fram-sida; person).

В то же время в тех случаях, когда разные значения русского слова передаются одним эквивалентом, в рассматриваемых словарях картина семантического анализа не раскрывается. Так, например, русск. *кислый* имеет ряд значений: «1. Имеющий своеобразный острый вкус... 2. Закисший вследствие брожения... 3. Перен. Выражающий неудовольствие, унылый, тоскливый... 4. Спец. Имеющий в своем составе кислоту, получаемый при помощи кислоты, дающий кислоту» (БА, 5). В рассматриваемых же словарях статья слова *кислый* имеет следующий вид: в словаре Вл — *тж перен. sur*; ~ ое лицó *sur min*; в словарях Гн и Рн — *sur*.¹⁵ Принятый в этих словарях принцип можно считать приемлемым в словарях практического назначения, не ставящих перед собой задачу показать семантическую структуру лексики.

Итак, анализ значений русского слова находит в вышеназванных словарях выражение, опосредствованное через эквивалентные соответствия. Кроме того, известно, что вопросы разграничения значений одного слова, отграничения многозначного слова от омонимов и т. п. очень часто по-разному решаются в разных словарях, и принципиально допустимы разные решения. Поэтому, не углубляясь в вопрос о том, как проведен семантический анализ слов в данных словарях, обратимся ниже к рассмотрению эквивалентных соответствий, ими предлагаемых.

Отметим только один момент — в словарях не всегда разграничиваются так называемые свободные значения русских слов, с одной стороны, и фразеологически связанные значения — с другой. Так, например, словарь Гн приводит в качестве эквивалентов слова *выходец*: *utvandrare, emigrant; spöke, gengångare*, а между тем значение, передаваемое последними двумя эквивалентами, слово *выходец* может иметь только в составе фразеологического сочетания *выходец с того света*.

Стилевая и эмоционально-оценочная характеристика русского слова находит выражение (конечно, далеко не всегда) в виде эквивалентных соответствий, в словарях Вл и Гн нередко также

¹⁵ Ср. то же слово в Русско-немецком словаре О. Н. Никоновой (М., 1952): КИСЛЫЙ 1. *sauer*; ~ ое молоко́ *Sáuermilch*; ... 2. *хим. sauer*; 3. *перен. sauer*; ~ ая улыбка *ein saures Lächeln* и т. д.

в виде сопровождающих помет. Поэтому об этой стороне характеристики переводимого слова речь будет ниже.

2. Принципы отбора значений, подлежащих переводу, совпадают с принципами отбора лексики для словника. Это — принцип отбора по употребительности (в той мере, в какой применим критерий употребительности), принцип целенаправленного отбора (т. е. ориентации на тексты и читателей определенного типа) и принцип «профилактики ошибок», т. е. предотвращения возможных ошибок.

Опираясь на критерий употребительности (пусть даже допустимый лишь в ограниченной степени), мы должны признать излишними, например, некоторые значения (и соответствующие им шведские эквиваленты) в словаре Рн: для слова *особняк* значение 'одинокое живущий человек', являющееся устаревшим (БА, 8) — шв. эквивалент *enstöring*; для слова *бастовать* — значение 'кончить, перестать', отсутствующее в современном литературном языке, хотя и называемое словарем Даля (см. Д, 1) — шв. *urphöga, sluta*; для слова *лунь* значение 'тусклый свет' (есть в Д, но отсутствует в словаре БА) — шв. *svag dager*.

Руководствуясь критерием употребительности, нужно было бы, с другой стороны, включить в словари эквиваленты некоторых отсутствующих в них значений. Так, в словаре Рн единственным эквивалентом глагола *отметить* служит *beteckna*, что может передать только одно значение данного глагола — 'выделять каким-либо знаком' (БА, 8); в то же время совершенно не учтены такие важные значения, как 'обращать внимание на кого-, что-либо, замечать' (БА, 8) — нужны эквиваленты *märka, lägga märke till*; 'удостоить похвалы, поощрения, награды' (МА, 2) — нужно шв. *utmärka*; 'ознаменовывать, выделяя чем-либо (какую-либо дату, событие)' (БА) — нужно шв. *högtidlig-hålla*. В том же словаре Рн в статье слова *машина* даны только эквиваленты *maskin, arragat*; следовательно, осталось неучтенным важное значение 'автомашина' (шв. *bil*), чрезвычайно распространенное в разговорной речи и литературе, отражающей ее особенности. Приведем пример из другого словаря — Вл. Глагол *стоять* здесь дается как однозначное слово с эквивалентом *stå*, и приведено, кроме того, несколько фразеологизмов с этим глаголом. Между тем *стоять* имеет ряд важных значений, для передачи которых нужны другие глаголы, а не *stå*; так, эквивалентом *стоять* в значении 'быть расположенным где-либо' (о населенных пунктах, строениях) является шв. *ligga* (*город, село, мельница стоит на берегу большой реки — staden, byn, kvarnen ligger vid en stor flod*); в абстрактном значении 'быть, иметься' русскому глаголу соответствует *vara* или *gåda* (*стоит хорошая погода — det är vackert väder, стояла глубокая тишина — djup tystnad rådde*) и т. д.

Исходя из принципа целенаправленного отбора, следует признать необходимым отражение в словарях некоторых зна-

чений, даже если возникают сомнения в общеупотребительности и распространенности этих значений. Так, в словаре Гн, уделяющем серьезное внимание специальной и технической терминологии, недостает с точки зрения этой целенаправленности следующих, например, значений ряда слов: для слова *лампа* — значение 'электронная лампа', шв. gög; для слова *мощность* — значение технического термина ('величина, показывающая количество энергии, развиваемой двигателем... в единицу времени', БА, 6), шв. karacität; для слова *эксплуатация* — значение технического термина ('использование машины или аппарата'), шв. drift, например *условия эксплуатации* — driftvillkor; для слова *раствор* — значение термина строительного дела, шв. brik и т. п.

В словаре Вл с точки зрения целенаправленного отбора окажутся недостающими значения иного типа, а именно — значения, характерные для общественно-политической лексики, а также значения, присущие речи учащихся (поскольку это словарь учебного типа). Примеры: для слова *широкий* недостает значения 'обширный' (о планах, программе и т. п.), шв. omfattande (*широкая программа* — ett omfattande program); для слова *знаменательный* — значение 'важный по своему значению' (О) — шв. betydelsefull; для слова *опросить* — значение 'опросить учащихся, студентов', шв. föghöga; для слова *окно* — значение, принятое в специальном лексиконе школьников и вообще учащихся ('промежуток времени, длительностью не менее лекционного часа, урока, образовавшийся в результате разрыва между лекциями, уроками', МА, 2), шв. håltimme.

Существенную роль при отборе значений, подлежащих переводу, должен играть принцип предупреждения ошибок, не всегда достаточно учитываемый. В словарной статье *холст* словари Гн и Рн переводят значение 'льняная ткань', шв. [grovt] lärft или línne, но для значения 'картина, писанная масляными красками' эквивалента (шв. duk) не дано. Не передано значение 'картина' и в словарной статье слова *полотно*. Понятно, что подобного рода упущения дадут повод для неверного понимания русского текста. Или в словаре Рн в качестве эквивалентов слова *последний* приведены sist и ytterst, передающие значение 'конечный в ряду чего-нибудь' (О); например, с их помощью можно перевести: *две последние страницы* de två sista sidorna, *последняя попытка* ett yttersta försök; однако отсутствие эквивалента для другого значения этого же слова — 'самый новый, только что появившийся' (О), а именно — senast (есть в словаре Гн), может вызвать ошибочное понимание русского текста; так, *последний роман писателя* может быть переведено författarens sista roman = 'последний в его жизни' и författarens senaste roman = 'последний появившийся' (за ним могут последовать и другие).

В репродуктивно-ориентированном словаре Вл для русского *последний* также дается только эквивалент sist и отсутствует senast, что может привести к неправильным переводам. В этом

же словаре отражено значение слова *столетие* 'промежуток времени в сто лет' (O), шв. *århundraåre, sekel*, но опущено значение 'годовщина события, бывшего 100 лет тому назад' (O), шв. *hundraårsdagen* (например, *праздновать столетие со дня его рождения — fira hundraårsdagen av hans födelse.*)

3. Подбор эквивалентов, в максимальной степени соответствующих переводимым словам, зависит и от объективно существующих совпадений и расхождений между языками, и от искусства лексикографа. Различный характер соотношений между отдельными лексическими элементами русского и шведского языков определяет наличие эквивалентов, с разной степенью точности передающих переводимое слово.

Лишь в сравнительно небольшом количестве случаев возможны эквиваленты, полностью совпадающие по значению и общему характеру с переводимым словом, например *телеграф — telegraf, аэродром — flygfält*. Только в таких случаях можно говорить об адекватных эквивалентах.

Гораздо чаще переводимые русские слова не имеют адекватных шведских эквивалентов: переводящие слова отличаются от соответствующих русских слов либо по своей предметно-понятийной соотнесенности (=семантически-отклоняющиеся эквиваленты), либо в стилевом плане (=стилистика-отклоняющиеся эквиваленты), либо, наконец, по своей способности комбинироваться с другими словами (комбинационно-отклоняющиеся эквиваленты).

Семантическое отклонение эквивалента от «идеального» типа эквивалентов — от адекватных — очень часто проявляется в том, что он передает лишь одно или часть значений переводимого слова; например, эквивалентом русск. *даром* в значении 'бесплатно' является шв. *gratis*, а в значении 'напрасно' — *förgäves*. Такого рода эквиваленты Н. И. Фельдман удачно называет *частичными*.¹⁶ Только совокупность частичных эквивалентов, полный набор их может полностью передать предметно-понятийную соотнесенность переводимого слова.

Термин «частичные эквиваленты» нам представляется целесообразным употреблять также и в тех случаях, когда разные оттенки одного значения русского слова устойчиво передаются разными шведскими словами (ведь грани между значениями и оттенками значений являются нередко зыбкими). Так, слово *маршрут* имеет, как указывают толковые словари русского языка, два значения: «1. Заранее намеченный путь следования (людей, войск, самолетов, поездов и т. п.) с указанием пунктов, остановок... 2. То же, что маршрутный поезд» (МА, 2), — для передачи разных оттенков первого значения требуется несколько шведских частичных эквивалентов, а именно: а) 'путь перехода,

¹⁶ См. Н. И. Фельдман. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях. Лексикографический сборник, I. М., 1957, 14.

марша'—marschrutt или marschruta, б) 'план путешествия'—gesplan, в) 'линия регулярного сообщения' (например, с этого месяца вводятся новые автобусные маршруты)—linje (автобусный маршрут—busslinje, трамвайный маршрут—spårvägslinje).

С другим типом семантического отклонения эквивалентов мы встречаемся в тех случаях, когда значение эквивалента близко к значению переводимого слова, но не совпадает с ним, когда он является семантически-приблизительным. Такие эквиваленты приходится использовать, когда отсутствуют семантически-точные (такие, как все вышеприведенные), будь то эквиваленты полного охвата или частичные. Например, в шведском языке отсутствует слово, точно соответствующее русск. *груздь* (нет слова, которое выражало бы понятие такого же объема, охватывающее тот же круг реальных предметов, как понятие, обозначаемое русским словом). Отдельным видам груздей соответствуют разные шведские названия: *груздь черный* (lactarius turpis)¹⁷ это — svartriska,¹⁸ *груздь перечный* (lactarius piperatus)¹⁹ — это slät vitriska.²⁰ Они в шведской терминологии объединяются словом riska или mjölkskivling, mjölksvamp вместе с läckra riskan (lactarius deliciosus), т. е. *рыжиком*, pepparriskan (lactarius rufus), т. е. *горькушкой*, mandelriskan (lactarius volemus), т. е. *волнушкой* и другими видами. Для передачи слова *груздь* (независимо от его вида) придется воспользоваться эквивалентом mjölkskivling или riska, хотя это, собственно, название всего рода грибов Lactarius (Млечник).

В противоположность вышеописанным типам эквивалентов стилистически-отклоняющиеся (или понятийные) эквиваленты выражают то же самое понятие, что переводимое слово, но отличаются от него по своему стилевому характеру. Так, в шведском языке нет слова, адекватного русск. *ланиты* (устарелое и поэтическое) и соответствующий эквивалент — kinder (слово нейтрального стиля) передает только понятийную соотнесенность.

Комбинационно-отклоняющиеся эквиваленты не обнаруживают расхождения в предметно-понятийной соотнесенности с переводимым словом и могут не отличаться от него по стилевому характеру. Они выделяются в силу различной способности соотносительных слов русского и шведского языков сочетаться с другими словами. Например, русск. *также* может свободно комбинироваться с отрицанием *не* (*я тебя также не понимаю*), в то время как соответствующие по значению шведские эквиваленты också и även не комбинируются с отрицанием inte или icke; русскому свободному сочетанию слов *также не* соот-

17 См. Б. П. Васильев. Съедобные и ядовитые грибы средней полосы Европейской части СССР. М., 1948, 56.

18 См.: Svensk uppslagsbok. 2:a uppl. Malmö, 1952, 24, 231.

19 См.: Б. П. Васильев, ук. соч., 59.

20 См.: C. Auerbach. Svensk-tysk ordbok. Stockholm, 1922.

ветствует шведское устойчивое сочетание отрицания с особой частицей *heller* (*inte heller jag begriper dig*).

Объективные лексические соотношения русского и шведского языков ограничивают возможности лексикографов: нельзя, конечно, найти адекватный эквивалент, если межъязыковые соотношения обуславливают наличие только понятийного или частичного эквивалента. В то же время реально существующие возможности могут быть в разной степени использованы лексикографами. Эквиваленты, максимально удачные, являются оптимальными; эквиваленты, избранные без достаточного учета всех возможностей, можно назвать неполноценными; наконец, в словарях встречаются эквиваленты, которые дают искаженное представление о переводимом слове, т. е. ложные эквиваленты. Остановимся на некоторых неудачных решениях проблемы подбора эквивалентов в рассматриваемых словарях.

1) Не всегда точно передана предметно-понятийная соотнесенность слова.

Иногда встречаются прямые ошибки, когда переводящее слово выражает не то понятие, что переводимое, т. е. словарь предлагает ложный эквивалент. Так, в словаре Рн в качестве эквивалентов существительного *коло* названы *krets* (т. е. 'круг'), *hjul* (т. е. 'колесо'), а между тем русск. *коло* — это 'широко распространенный (особенно у южных славян) хороводный народный танец' (БА, 5), а значения, выражаемые сербским *коло* ('круг, колесо'), в русском языке у этого слова отсутствуют. В том же словаре *ботва* 'стебель и листья растений корнеплодов и клубнеплодов' (О) переведено словом *gödbeta*, т. е. 'свекла' (*gödbeta*—*växten Beta vulgaris*. — М1), а не адекватным эквивалентом *blast* (= *blad och stjälkar på rotfruktsstånd*. — Öst). *Груздь* переведено в словаре Гн *smörsvamp*, а в словаре Рн — *kantarell*; между тем *smörsvamp* = *smörsopp* (*Boletus luteus*)²¹ — это 'масленок',²² а *kantarell* (*Cantharellus cibarius*)²³ — это 'лисичка'.²⁴ В словаре Гн *приемный покой* (т. е. 'помещение для больных, поступающих в больницу'. — О) переводится *poliklinik*, хотя это шведское слово, как и русское *поликлиника*, обозначает лечебное заведение, не предусматривающее стационарного лечения (*ej sängbehandling*. — М1). В словаре Вл существительное *творог* передается ложным эквивалентом, обозначающим прямо противоположную вещь, а именно — *vassla*, что значит 'сыворотка' (*vassla* = *den vätska som återstår sedan ostmassan utfällts vid ystning* — М1 — 'жидкость остающаяся при створоживании после выпадения створоженной массы').

21 См.: Nordisk familjebok. 3:e uppl. Stockholm, 1932, 17, 1373 (статья *Smörsopp*) и 114 (статья *Rörsopp*).

22 Точнее — «масляник поздний». См.: Б. П. Васильев, ук. соч., 46.

23 См.: Nordisk familjebok, 11, 280.

24 Б. П. Васильев, ук. соч., 28.

Неполноценными эквивалентами следует считать семантически-приблизительные, если принципиально возможен семантически-точный эквивалент. Так, семантически-точным (частичным) эквивалентом слова *лазарет* в его современном живом значении 'учреждение для стационарного лечения при войсковой части' (МА, 2) является *militärsjukhus*, не приводимое ни одним из рассматриваемых словарей, а приводимое в словарях *lasarett* может рассматриваться лишь как семантически-приблизительный эквивалент, так как обозначает «ett av landsting l. kommun drivet... sjukhus» (Öst, 4), т. е. 'больницу, находящуюся в ведении ландстинга или муниципалитета'.

Если невозможен адекватный или семантически-точный эквивалент, то необходимо избирать оптимальный семантически-приблизительный, т. е. максимально близкий эквивалент. Более далекий по значению эквивалент в таком случае окажется неполноценным. Примером может служить чрезмерно приблизительный перевод слова *груздь* в словаре Вл — *skivling* (обозначает все грибы семейства *Agaricaceae*, т. е. пластинчатых, включающего около 6000 видов) вместо оптимального семантически-приблизительного эквивалента *mjölkskivling* (см. выше, стр. 97).

2) При отборе эквивалентов не всегда учитывается стилевой характер слова. Если возможен адекватный эквивалент, употребление стилистически отклоняющегося эквивалента неоправдано, такой эквивалент должен также рассматриваться как неполноценный. Например, из приводимых в словаре Гн эквивалентов слова *дока* — *käppare*, *expert*, *överdängare* только последний может считаться оптимальным, так как это слово, подобно русскому, свойственно лишь бытовой разговорной речи (дано с пометой *vardaglig* в словаре М1), между тем как слова *käppare* и *expert* соответствуют по стилевой окраске русск. *зна-ток* и *эксперт*.

Эквивалент должен передавать также и эмоционально-оценочную направленность переводимого слова, если оно таковую содержит. Ошибочным является перевод слова *новатор* шведским *nyhetsmakare*, предлагаемый словарем Гн, поскольку русское слово содержит момент положительной оценки, а шведское, напротив, всегда употребляется «более или менее неодобрительно» (Öst, 4). Менделеева называют новатором (см. пример в словаре БА, 7), но к нему, конечно, неприменима характеристика *nyhetsmakare*. Между тем в шведском языке есть слова, могущие служить эквивалентами: *nydanare*, *nyskarare*, *banbrytare*. Сходным образом словарь Рн дает неверное представление о характере русского *лебезить*, предлагая эквивалент *vara tjänstvillig*, т. е. 'быть услужливым'; адекватным эквивалентом русского слова будет *krupa för ngn* или *svansa för ngn*.

3) Кроме качества того или иного эквивалента (т. е. способности его соответствовать русскому слову в определенном

значении), важен, конечно, и «набор эквивалентов», т. е. группа переводящих слов, в своей совокупности отражающих значения и оттенки значений переводимого слова. В рассматриваемых словарях мы встречаем случаи, когда отдельные эквиваленты выделены удачно, но «набор эквивалентов» неполон, и поэтому не получается адекватной картины соответствий между языками. Примером недостаточного набора эквивалентов может служить словарная статья *маршрут* во всех трех словарях: ни один из них не дает эквивалента *buss-, spårvägslinje*, называя лишь *tagschritt, gesplan* (см. выше о частичных эквивалентах, передающих значение русского *маршрут*).

Набор эквивалентов в словарях не всегда отражает важные расхождения между русским и шведским языками и в области комбинационной способности соответствующих друг другу слов обоих языков. Так, приводя различные эквиваленты русского *также*, обсуждаемые словари не указывают, что эти эквиваленты шведского языка не комбинируются с отрицаниями *inte, icke* (см. выше, стр. 97—98). Другой пример: прилагательное *срочный* в значении 'совершаемый спешно, безотлагательно' (О) переводится в словаре Гн *brådskande, skyndsamt, hastigt*, но этот набор не содержит эквивалента, применимого для перевода данного прилагательного в качестве определения к словам *телеграмма* или *телефонный разговор* — в этих случаях необходимы эквиваленты, не называемые словарем: *iltelegram* и *ilsamtal*. С другой стороны, в кратком переводном словаре набор эквивалентов, конечно, не может быть полным, и необходимо выделять ведущие эквиваленты, пригодные в максимальном количестве случаев. Поэтому может быть оправдан перевод слова *срочный* в словарях Рн и Вл только эквивалентом *brådskande*.

До сих пор рассматривались вопросы, связанные с отбором эквивалентов и в равной степени важные для репродуктивно-ориентированного и для рецептивно-ориентированного словарей. Остановимся на одном из вопросов, представляющих особую важность для словаря одного типа — репродуктивно-ориентированного, — на вопросе о синонимичных эквивалентах. В рецептивно-ориентированном словаре, предназначенном для читателя, подбирающего нужное слово из ряда слов родного языка, богатый выбор эквивалентов, в какой-то мере являющихся синонимами, может быть полезен и оправдан. В словаре же репродуктивно-ориентированном синонимия может быть полезна только при следующих условиях: либо синонимы являются полными, и безразлично, какой из них использовать, либо словарь должен содержать указания, помогающие выбрать нужное слово. В противном случае необходимо согласиться с Л. В. Щербой, который писал: «Мы принципиально отметили все неточные переводы, переводы приблизительные, дающие якобы полноту словарной статьи, богатую синонимику... она вредна в кратком переводном словаре, так как без пространных объяснений ведет

зачастую к ошибочным переводам». ²⁵ Вряд ли целесообразно приводить, как это сделано в словаре Вл, в качестве синонимов эквиваленты слов, имеющих в основных своих значениях разную предметно-понятийную соотнесенность, лишь в каких-то контекстах могущих выступать как синонимы, не сопровождая их при этом никакими указаниями для выбора. Ср., например, словарные статьи: ЗВУК *ljud -et, =, klang -en*; гласный з. *грам. vokal -en, -er*; согласный з. *грам. konsonant -en, -er*; и ЗВОН *ljud -et, =, klang -en; ringning -en -ar*; вечерний з. *aftonringning*. Как перевести, опираясь на информацию, предоставляемую словарем, *звон металла* или *звон стаканов*? Какой из трех «синонимов» выбрать? Или какой из синонимов — *ljud* или *klang* — нужно выбрать, чтобы перевести *скорость звука* или *звуки русского языка*? В статье слова *звон* эквивалент *ljud*, возможный лишь в особых и редких контекстах, излишен, и лучше было бы оставить только *klang* и *ringning*, пояснив, что последнее слово относится к звону колокола или звонка. В статье же слова *звук* можно было бы либо ограничиться ведущим эквивалентом — *ljud*, либо, включив эквивалент *klang*, пояснить его некоторыми иллюстрациями (например, *пустой звук en tom klang, звуки его голоса klangen av hans göst*); к тому же привлечение эквивалента *klang* вызывает необходимость введения в статью еще одного эквивалента, *ton*, подобно слову *klang* соответствующего русскому *звук* в некоторых контекстах (обычно при множественном числе): *звуки вальса tonerna av en vals, нежные звуки milda toner*.

Нецелесообразно также приводить наряду с употребительным эквивалентом русского слова его мало употребительный синоним, как это иногда имеет место в словаре. Например, в словарной статье слова *нефтепровод* дается необходимый адекватный эквивалент *oljeledning* и наряду с ним — слово *naftaledning*, не упоминаемое в Словнике Шведской академии (SAOL). Увлечение синонимикой приводит в словаре Вл к тому, что иногда наряду с оптимальным — адекватным эквивалентом привлекается ложный эквивалент. Например, *акустика* переводится *akustik* (адекватный эквивалент) и *ljudlära*; последнее слово в данном случае непригодно, так как оно является эквивалентом русского *фонетика*. ²⁶

III. Пояснения и пометы

Не углубляясь в характеристику системы пояснений и помет в рассматриваемых словарях, отметим некоторые моменты.

1. Семантические пояснения и пометы. В современной лексикографии придается огромное значение пояснениям

²⁵ Л. В. Щерба. Русско-французский словарь. М. 1936, Предисловие.

²⁶ Ср. синонимы, приводимые Словником Шведской академии к слову *akustik*. (*ljudverkan, ljudförhållanden; fys. läran om ljudet*) и к слову *fonetik* (*ljudlära*).

и пометам разного рода, применяемым в двуязычных словарях и помогающим понять расхождения в значениях между переводимым словом и его иноязычными эквивалентами.²⁷ Рассматриваемые в данной статье словари в большей или меньшей степени применяют подобного рода пояснения (наиболее последовательно — словарь Вл, в минимальной степени — словарь Гн). Приходится, однако, признать, что семантическим пояснениям в обсуждаемых словарях не уделено достаточного внимания, и это снижает эффективность отдельных словарных статей. Посмотрим, например, статью слова *как* в словаре Гн — здесь перечислены без пояснений разнообразные эквиваленты: *hur, så; som, såsom, i likhet med; så snart som, just som, när; att; än*. Далее следуют многочисленные устойчивые сочетания с *как*. Легко ли перевести более или менее сложную русскую фразу со словом *как*, если для этого придется перебрать все приведенные эквиваленты в поисках подходящего! Наречие *как* (*hur, så*) не отделено от союза (остальные эквиваленты), и далее, в рамках этих частей речи, не разграничены вопросительное *как* (*hur*) и восклицательное (*så*), *как*, вводящее придаточные предложения разных типов, и *как* — союз, употребляемый после отрицательных слов, например *никто другой, как ты сам* (эквивалент *än*).

Особенно велика роль семантических пояснений в репродуктивно-ориентированном словаре. Нередко отсутствие подобных пояснений весьма ощутимо в словаре Вл. Так в статье слова *кожа* здесь без всяких указаний приведены *läder, skinn, hud*, а между тем это — частичные эквиваленты, и они далеко не взаимозаменяемы. *Кожа* как материал ('выделанная кожа') чаще всего передается словом *läder* (которое является ведущим эквивалентом для этого значения), реже — *skinn* (о тонкой коже) и никогда — словом *hud*; *кожа* в значении 'кожный покров' (как анатомический термин) передается эквивалентом *hud*; в переносном значении возможны *hud* и *skinn*.

Учитывая тот факт, что далеко не все слова одного языка могут быть переведены семантически-точными эквивалентами или соответственным набором эквивалентов, нужно было бы сопровождать семантически-приблизительные эквиваленты какой-либо предупреждающей о неточности пометой. В свое время Л. В. Щерба предложил такого рода знак (\cong), указывающий на неточность перевода.²⁸ К сожалению, ни один из рассматриваемых словарей не применяет помет, характеризующих в случае необходимости эквиваленты как приблизительные.

²⁷ Отметим, например, подчеркивание особой роли семантических пояснений в одной из последних статей по данному вопросу: «Из всех видов пояснительного материала способы разграничения значений (*meaningdiscrimination*) являются, возможно, наиболее важными» (James E. I a p p u s c i. *Explanatory Matter in Bilingual Dictionaries*. *Babel*, V (1959), 4, 195).

²⁸ Л. В. Щ е р б а. Русско-французский словарь. Предисловие.

2. Стилистические пометы. Значение стилистических помет определяется тем фактом, что в ряде случаев русское слово может быть переведено только понятийным эквивалентом, и только пометы могут указать на различие в характере обеих лексических единиц. Поэтому отсутствие стилистических помет в словаре Рн не позволяет шведскому читателю правильно воспринять характер целого ряда русских слов. И шведский читатель, конечно, не почувствует стилевые особенности русского текста, если будет, руководствуясь только данными словаря Рн, переводить следующие, например, слова: областное *орать* — *rålja*, областное же *молодуха* — *ung kvinna* (т. е. 'молодая женщина'), устарелое *лобзать* — *kyssa* (т. е. 'целовать'), нелитературное *знамо дело* — *det är en bekant sak* ('известно') и т. д.

Словарь Гн широко пользуется пометами и поэтому дает гораздо более полное и точное представление о русской лексике. Однако и здесь в ряде случаев отсутствуют необходимые пометы, например при переводе устарелого *вития* — *våltalare, orator* (т. е. 'оратор'), просторечного *барахло* — *lump, tarvligt bohag* (т. е. 'тряпье, жалкое имущество'), специального *колер* — *färg, kulör, färgskiftning* (т. е. 'цвет, оттенок'), областного *волглый* — *fuktig*.

В репродуктивно-ориентированном словаре необходимы пометы, дающие стилевую характеристику шведского слова, если в словарь включаются русские лексемы, переводимые лишь понятийными эквивалентами. Словарь Вл такого рода помет не применяет, хотя иногда предлагает стилевую характеристику русского слова (что менее существенно, так как русский читатель легче ощущает стилевой характер слова родного языка, чем характер шведского эквивалента). Так, существительное *кручина* сопровождается пометой *поэт.* и передается понятийным эквивалентом *sorg* — словом, совершенно не отражающим эмоционального и стилового тона русского слова (*народно-поэтическое*, БА, 5); наличие пометы о нейтральном стилевом характере шведского эквивалента избавило бы пользующихся словарем от ненужной иллюзии адекватного перевода и указало бы на расхождения между русским и шведским языками. Словарь должен выполнять и эту задачу, так как является не только орудием перевода, но и одним из средств познания изучаемого языка. Другой пример — *влачить* (поэтическое и устарелое, кроме фразеологизма *влачить жалкое существование*) — переводится нейтральными шведскими эквивалентами *släpa, draga* и даже разговорной формой *dra*, не сопровождаемыми никакими пометами.

Определенная стилистическая помета была бы необходима в репродуктивно-ориентированном словаре и для разграничения более или менее употребительных эквивалентов в тех случаях, когда факт большей степени употребительности бесспорен. Подобной пометы в словаре Вл также нет. Например, *автобус* пе-

реводится двумя эквивалентами, тождественными по значению, но не равноценными по употребительности — *omnibus* и *buss*. О меньшей употребительности слова *omnibus* свидетельствует, в частности, тот факт, что в Словнике Шведской академии (SAOL) приведено 25 сложных слов, в состав которых входит *buss*, а в статье *omnibus* указано: «сложные слова см. под *buss*». Не случайно также, что в словаре Гн *buss* является единственным эквивалентом русского *автобус*. Своеобразной пометой, характеризующей употребительность, иногда служит последовательность эквивалентов, когда эквиваленты располагают по степени их употребительности. Но в рассмотренном случае и данный способ не нашел применения.

3. Грамматические пояснения и пометы. Грамматические пояснения и пометы должны, естественно, быть различными в репродуктивно-ориентированном и рецептивно-ориентированном словарях в соответствии с их задачами. Здесь мы остановимся лишь на некоторых вопросах, представляющихся особо существенными для репродуктивно-ориентированного словаря.

В словаре Вл недостает информации двух видов.

1) Здесь отсутствуют пометы, указывающие на принадлежность глагола к определенному морфологическому типу — к тому или иному спряжению. Приложенная к словарю таблица глаголов, обнаруживающих в своем формообразовании отклонения от основных морфологических типов, не подсказывает, относится ли к первому или второму спряжению тот или иной «правильный» глагол, а это не всегда легко определить. Как же с помощью словаря Вл установить, что *böta* — глагол первого спряжения, а *möta* — второго или что *srägga* — первого, а *sräpa* — второго? Очевидно, этого нельзя сделать, и лицу, заинтересованному в переводе русского текста, придется обратиться за справкой к шведско-русскому словарю (а между тем сведения о способе образования множественного числа существительных словарь Вл дает, и, следовательно, в этом вопросе помощь шведско-русского словаря не нужна!).

2) Еще более существенным пробелом (поскольку он не восполним с помощью шведско-русского словаря) в словаре Вл следует считать отсутствие в огромном количестве случаев сведений о предложном управлении. Управление слов, как писал Л. В. Щерба, «чаще всего оказывается принадлежностью каждого отдельного слова, а потому является фактом словаря»,²⁹ и репродуктивно-ориентированный словарь, не приводящий данных об управлении слов, создает почву для ошибочных переводов. Если, например, человек изучающий шведский язык, попытается с помощью словаря Вл перевести фразу *Мир победит войну* и найдет для *побеждать* эквивалент *segga* (с пометой *vi*,

²⁹ Л. В. Щерба. Русско-французский словарь. Предисловие.

обозначающей непереходный глагол), то он, видимо, сделает одно из двух: либо решит пренебречь указанием на непереходность глагола и, исходя из русского образца, ошибочно употребит после *skall segga* беспредложное дополнение, либо же, поняв, что дополнение должно быть оформлено с помощью предлога, попробует догадаться, какой предлог необходим; шансов, что будет избран нужный предлог (*över*) и что фраза будет правильно переведена — *Freden skall segga över kriget*, — немного.

Информация о предложном управлении чрезвычайно важна, в частности, в тех случаях, когда русской управляемой падежной форме в шведском языке соответствует управляемый предлог. Приведем некоторые примеры (факт управления обозначаем знаком →): *радоваться* (→ дат. п.) — *glädja sig* (→ *över* или *åt*), *удивляться* (→ дат. п.) — *förvåna sig* (→ *över*), *стыдиться* (→ род. п.) — *skämmas* (→ *för*), *развлекаться* (→ твор. п.) — *roa sig* (→ *med*); *автор* (→ род. п.) — *författare* (→ *till*), (географическая) *карта* (→ род. п.) — *karta* (→ *över*), *пример* (→ род. п.) — *exempel* (→ *på*); *богатый* (→ твор. п.) — *rik* (→ *på*), *гордый* (→ твор. п.) — *stolt* (→ *över*), *известный*, *знаменитый* (→ твор. п.) — *berömd* (→ *för*).

Еще важнее называть в словаре управляемый предлог в тех случаях, когда одно и то же шведское слово в разных своих значениях управляет разными предлогами. В вышеприведенных примерах использование не того предлога, который нужен, повлекло бы за собой перевод, ошибочный по конструкции, но все же понятный (если, например, словосочетание *автор этой книги* перевели бы не с помощью нужного предлога *till*, а с каким-либо другим предлогом). Но если употребление предлога связано с изменением значения управляющего слова, т. е. управление имеет смылоразличительную функцию, отсутствие указания на управляемый предлог может вызвать перевод, ошибочный не только по конструкции, но и по смыслу. Поэтому, когда словарь Вл приводит для русского *горевать* эквивалент *sörja*, не указывая на управляемый предлог (*över*), возникает возможность для лица, пользующегося словарем, избрать предлог *för*, и тогда будет выражена совершенно иная мысль (*sörja för ngt* значит 'заботиться о ком-нибудь, чем-нибудь').

ВЫВОДЫ

Наблюдения над решением отдельных лексикографических проблем в русско-шведских словарях позволяют прийти к некоторым выводам, представляющим собой пожелания, адресованные составителям будущих русско-шведских словарей.

1. При отборе слов для словника, а также значений отдельного слова, подлежащих включению в словарную статью, необходимо основываться не только на употребительности слова, но также на принципе целенаправленности словаря и на «профи-

«лактическом» принципе предупреждения ошибок. Необходимо также устранить различного типа недочеты в подборе эквивалентов, наличествующие в русско-шведских словарях, включая в словарь оптимальные эквиваленты, в максимальной степени отражающие реальные лексические соответствия русского и шведского языков.

2. Важно учитывать специфику репродуктивно-ориентированного словаря, а именно следующее:

а) в репродуктивно-ориентированном словаре словник должен быть меньше словника рецептивно-ориентированного словаря того же объема, но каждая словарная статья должна содержать большее количество пояснений и иллюстративного материала:

б) в репродуктивно-ориентированном словаре, кроме пояснений, раскрывающих различия в значениях и оттенках значений между эквивалентами, нужны также стилистические пометы при эквивалентах, не могущих отразить стилевой характер переводимого слова, и развернутая система грамматических пояснений (включающая, в частности, информацию об управлении слов).

NOTISER BETRÄFFANDE RYSK-SVENSKA ORDBÖCKER

S. S. Maslova-Lasjanskaja

Författaren behandlar frågan om hur några rysk-svenska ordböcker löser en del lexikografiska uppgifter och övervinner de svårigheter, som man vid utarbetandet av en tvåspråkig ordbok har att brottas med. Det är de tre senast utkomna ordböckerna som granskas i denna artikel, nämligen: 1) Gunnar Gunnarsson och Alexander de Roubetz. Rysk-svenskt lexikon. Uppsala, 1948; 2) Rysk-svensk ordbok redigerad av C. G. Regnéll. Stockholm, 1956; 3) A. P. Valenius. Краткий русско-шведский словарь. М., 1948. Författaren har L. V. Sjtjerba's lexikografiska ideer som utgångspunkt för sina betraktelser. Författaren framhåller nödvändigheten av att i viss mån ställa olika krav på två olika slags ordböcker: 1) på de rysk-svenska ordböcker, som är avsedda att vara ett hjälpmedel för *svenska* läsare, vilka skall förstå en rysk text (de receptivt orienterade ordböckerna), och 2) på de rysk-svenska ordböcker, som skall tjäna som hjälpreda för *ryska* läsare, vilka önskar översätta en text från sitt modersmål till svenska (de reproductivt orienterade ordböckerna). Skillnaden mellan de båda ovan nämnda ordbokstyperna måste märkas i flera avseenden: varken urvalet av ord eller systemet för grammatiska och stilistiska anmärkningar skall vara identiska. I denna artikel undersöks först de principer, på vilka urvalet av ord till en ordbok bör grunda sig. Här är det fråga om sådana faktorer grundläggande betydelse som ordens spridning, ordbokens speciella syfte och lexikografens strävan efter att förebygga potentiella fel.

Sedan behandlas här olika slags ekvivalenter, dvs. motsvarande svenska ord, som de ryska orden översättes med. Författaren till artikeln strävar efter att hålla isär de objektivt existerande motsvarigheterna mellan det ryska och det svenska ordförrådet och de ekvivalenter, som utgivarna av de granskade rysk-svenska ordböckerna tagit med. Några typer av objektivt existerande lexikaliska motsvarigheter mellan de båda språken räknas upp i artikeln:

1) adekvata ekvivalenter, t. ex. sv. *telegraf* till det ryska телеграф;

2) semantiskt avvikande ekvivalenter, bl. a.:

a) partiella ekvivalenter, t. ex. sv. *gratis* och *förgäves* till r. даром;

b) approximativa ekvivalenter, t. ex. sv. *mjölkskioling* till r. груздь;

3) stilistiskt avvikande ekvivalenter, t. ex. sv. *kinder* till det föråldrade och poetiska ordet ланиты.

De ekvivalenter som ordböckerna föreslår är i olika grad lyckade och man kan bland dem urskilja:

1) optimala ekvivalenter, t. ex. serien av svenska ord: *ljud*, *klang* och *ton* till det ryska звук (G. Gunnarssons ordbok);

2) otillräckliga ekvivalenter, t. ex. *kännare* och *expert* till det ryska starkt vardagliga дока (samma lexikon);

3) pseudo-ekvivalenta ord, t. ex. sv. *smörsvamp* till груздь (samma lexikon).

I artikeln konstateras att det finns en hel del i de undersökta ordböckerna, som måste förbättras och preciseras, även om alla dessa ordböcker kan anses vara nyttiga hjälpmedel vid språkstudier.
